

А
Андрей Белый

"Огненный ангел"

Брюсов В. Я. Огненный ангел (Сост., вступ. ст., коммент. С. П. Ильёва)
М.: Высш. шк., 1993. - (Б-ка студента-словесника).
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnn@lib.ru

"Огненный Ангел" останется навсегда образцом высокой литературы для небольшого круга истинных ценителей изящного; "Огненный Ангел" - избранная книга для людей, умеющих мыслить образами истории; история - объект художественного творчества; и только немногие умеют вводить исторические образы в поле своего творчества.

История для Валерия Брюсова не является материалом для эффектных сцен; она вся для него в мелочах; но эти мелочи умеет он осветить неуловимой прелестью своего творчества. Валерий Брюсов здесь сделал все, чтобы книга его была проста; творчество его выглядит скромной, одетой в черное платье, девушкой с гладкой прической, но с дорогой камеей на груди; нет в "Огненном Ангеле" ничего кричащего, резкого; есть даже порой "с_в_я_т_а_я_с_к_у_к_а", какой веет на нас, когда мы читаем повести Вальтер Скотта; и я благодарю автора за растянутость; за то, что своим спокойным тоном он отвлекает меня от фабулы, описывая быт, мелочи этого быта; широкой волной течет предо мной река прошлого, и в медленном течении этой реки отражается кроткий лик его Музы - девушки с гладкой прической. Нет здесь кричащих перьев модернистического демимонда; нет косметики выкриков и страшных псевдо-символических зубовных скрежетов; нет здесь шелестящих шелков импрессионизма, ни брызжащих в нос дешевых духов современных словечек, то есть, всего того, чем жив модернизм; несомненно, в высшей степени несомненно Валерий Брюсов в своем романе. Но за это-то и оценят его подлинники любители изящной словесности.

История говорит с нами: Брюсова мы не видим; но в этом умении ступать высокое изящество того, кто в нужное время говорил своим языком; ведь теперь язык его присвоили все; десятки новоявленных брюсовцев черпают свой словарь из его словаря.

В "Огненном Ангеле" Брюсов, тем не менее, оригинален; опытной рукой воскрешает он историю; и мы начинаем любить, понимать его детище - историю кельнской жизни 1534 года; будь здесь м_о_д_е_р_н_и_с_т_и_ч_е_с_к_и_е_п_е_р_ь_я, мы не увидели бы старинную жизнь Кельна, которую душой полюбил Брюсов; эта жизнь отражается в зеркале его души:

Помню вечер, помню лето,
Рейна полные струи,
Над померкшим старым Кельном
Золотые нимбы света...

И далее:

Где-то пели, где-то пели
Песню милой старины.
Звуки, ветром тиховейным
Донесенные, слабели
И сливались, там, над Рейном,
С робким ропотом волны.
Мы любили! Мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

Я привожу нарочно это стихотворение Брюсова, чтобы яснее выразить свою мысль; как перекликается песня Брюсова с песней Шумана на слова Рейнике; я хочу сказать, что настроение музыки Шумана и слов Брюсова из одного корня - романтизма.

С эпохи "Венка" в Брюсове все слышней песнь романтизма; и "Огненный Ангел" - порождение этой песни; золотым сияньем романтизма окрашен для